

М. В. БЕЗОБРАЗОВА

Краткий обзор существенных моментов / истории философии.

/§ 13. Сократ и сократические школы

<Фрагмент>

Софисты были субъективистами. То, что человек служить мерою всех вещей, — это искреннее убеждение Протагора было и главным положением всего этого направления. Но человек, поскольку он воспринимает впечатления внешнего мира или ощущает — в этом и заключалась узкость этого столь же глубокого, как и одностороннего воззрения, и оно и нуждалось потому в расширении.

И субъективистом остается и Сократ, и у него человек мера всего существующего, но не только человек, поскольку он ощущает, но человек, поскольку он мыслит, поскольку он существо разумное было тем важным шагом вперед, тем расширением созерцания софистов, в котором заключается заслуга Сократа.

Но Сократ не только субъективист, он, в тоже время, и элеат. Он твердо убежден в том, что есть нечто постоянное, а не только в том, что все течет.

В его философии соединяются оба элемента — с одной стороны, глубокий идеализм элеатов, с другой, не менее глубокий реализм Гераклита. И элементы эти не только соединяются, но они и уравниваются. В этом и состоит гармония и порядок этого воззрения, если говорить языком пифагорейцев, в этом заключается его цельность. И цельность эта обуславливает собою значение Сократа, как философа. Не было философа менее специалиста, менее ученаго и более человека, чем Сократ/

I

Но как ни ясно и ни просто его ученье, оно с трудом поддается систематическому изложению. Все части его находятся в неразрывной

связи, и исследователя может привести в отчаяние, что, начиная говорить об одном, хотелось бы сказать сейчас все.

И как разнородные элементы, как части философии, так одинаково сливаются во едино и Сократ философ с Сократом человеком. Перед нами потому самая обаятельная личность во всей истории философии. Гармония и порядок царствуют в самом Сократе — все способности его уравновешены и сливаются во едино ум, сердце и воля.

И это потому, что Сократ не только понял смысл умственного развития, постиг, что такое познание, выражаясь в греческом духе, но и на деле показал, что может ум, который объединил собою все остальные способности.

Сократ человек из человек потому что мы всего более ценим цельность и последовательность, тождество слова и дела. Это наш идеал, который все тот же, сколько бы с тех пор ни прошло лет, и для нас никогда не будет ничего выше его, сколько ни пройдет еще тысячелетий.

Во имя этого идеала мы осуждаем и теперь и охотно прощаем Сократу не только то, что у него нет философской системы, но даже и то, что он не написал ни строчки. Не написав ни строчки, он сделал больше, чем все его предшественники — авторы трактатов о природе.

Он показал греческой философии дорогу славы и идя по ней его ученик Платон и ученик ученика Аристотель довершили дело учителя. Они совершили все то, к чему был способен греческий дух, который они воплощали в себе во всей его чистоте. И Сократ — этот человек из человек грек, потому что на почве космополитизма нет величия — только оставаясь верным своему народу можно служить и человечеству.

Знать жизнь Сократа это уже вникнуть в его философию, это узнать все ее части. И мы не будем разрывать здесь то, что было связано в действительности.

Жизнь Сократа не богата внешними событиями. Он родился в Афинах в 470 году, а может быть, и раньше, потому что в год своей смерти (390) говорит в Апологии, что ему более 70-ти лет. Нельзя думать, чтобы учителями его были все те, которых ему приписывают. Можно предполагать, что он читал сочинения Анаксагора и слушал ученика его Архелая и софистов. Отец его Софрониск был скульптуром и, есть сведения о том, что и Сократ занимался в молодости скульптурой. Так Диоген Лаэртский упоминает о том, что при входе в Акрополь находилась статуя 3-х граций, которые вышли из под его резца. Но если искусству отца обязаны своим происхождением три грации, то призванием Сократа стало искусство матери Фенареты. Он повивает мысль — вся его философия — маевтика. Самое глубокое убеждение его заключается в том, что надо помогать рождению мысли, что сле-

дует ее будить. Он раз сравнивает себя со шпорою, нужною такому чистокровному коню, каким были афиняне. Но почему мысль надо только будить? Ответом на этот вопрос исчерпывается вся философия Сократа, потому что, по его воззрению, истина уже заключается в самом человеке, он привносит ее с собою рождаясь, а не получает извне; (таково будет убеждение и Платона), и остается ее только познать. И надо познать сначала самого себя для того, чтобы познавать потом других. Самопознание было для Сократа всем — он великий психолог.

Выполняя это свое призвание, он проводил жизнь среди этих вечно праздных афинян, праздных, потому что всю механическую работу выполняли рабы, среди этих свободных граждан, которые только толковали о своих государственных делах. И на площадях и на улицах, где кипела бойкая жизнь южного города, не было казалось человека более праздного, чем Сократ. Он с каждым вступал в разговор — с вежливостью грека, с утонченностью афинянина осведомлялся он об его делах. Вся деятельность его сосредоточивается в этих разговорах. И та диалогическая форма, в которой написаны все дошедшие до нас произведения Платона, составляют лучший памятник, которым увенчана эта деятельность Сократа.

Но как ни был вежлив Сократ, он поражал афинян. «Он постоянно говорить о кузнецах, сапожниках, кожевниках и вьючных ослах, — рассказывает Алкивиад в Пире Платона. В Сократе была та простота обращения, граничившая с грубостью — «прозаичность», как выражаются иностранные историки философии. И воображение изящных греков еще больше поражено фигурой, которая так метко обрисована в комедиях Аристофана. «Приплюснутый и вздернутый нос, глаза на выкате, большой живот» — это было странно и необычно, в этом и заключалась атопия. И эта фигура силена или сатира, эти грубые слова являются диссонансом в Афинах, режут глаз и ухо тех, которые, привыкли ставить выше всего форму. Интересно то, что, по воззрению самого Сократа, прекрасная душа живет в прекрасном теле, и он поклонник прекрасного и в — Пире выражается одушевлявшая его любовь. Но Сократ эротик не тела, а души — его воодушевляет стремление пополнить только душу. Избыток духа, недостаточность для него всякой формы, будь то форма форм характеризует собою этого силена или сатира. Могучий дух его не соответствовал телу, как содержание философии ее форме — в этом действительно заключается атопия, это составляет диссонанс.

И телу этому ничего не нужно. Зимой и летом его покрывает все тот же плащ. Сократ может ничего не есть — он от утра до утра простаивает на месте, потому что думает. Он так уходит сам в себя, что забывает об окружающем. Это была та форма, в которой выражалось его самопознание, бывшее самоуглублением. Внешний мир заключался

тогда в нем самом. И когда он высказывает то, что познал, то не замечает, как его дергают за плащ или над ним смеются. Внешний мир воплощается для него тогда в слове.

И этот самый Сократ может проводить ночи с чашею в руке, беседуя о трагедии и комедии, как это описывается в Пире. Когда же наступает утро, он, как ни в чем не бывало, идет в гимназий. И возможно это потому, что тело Сократа ничто перед его духом — оно вполне в руках духа. Дух его не знает тела — он свободен!

Сократ ничего не делает, не могла не скорбеть жена, та самая Ксантиппа, имя которой стало нарицательным. О дурном характере и даже злости ее рассказывается так много преувеличенного. И как была права эта женщина, преданная дому, которого не знал Сократ, мать его детей, на которой одной лежала забота о них. Ведь Сократ имел весьма слабое понятие о том, что такое деньги — в Апологии он ставит себе даже в заслугу то, что беден, и имеет право ставить. И как далек он потому от того, что Ксантиппе были нужны деньги и что ему — Сократу следовало их зарабатывать.

Но для Сократа не существовало не только семейных обязанностей, но и государственных! Он не в состоянии исполнить и их. Он, правда, 3 раза принимает участие в Пелопонесской войне и обнаруживает удивительное мужество и хладнокровие. При Потидее он спасает жизнь раненому Алкивиаду, при Делионе другого своего ученика Ксенофонта. Он выказывает и гражданскую доблесть, потому что, когда исполняет обязанности притана, отказывается осудить победителей при Аргинузах за то, что они не успели похоронить убитых и не удержали за собою поле сражения; он не соглашается и на то, чтобы исполнить приказание 30 тиранов и арестовать саламинца Леона, а если избегает смертной казни, то только потому, что власть тиранов низвергается. Но все это только эпизоды. Не в этом заключается его призвание. Он даже высказывает в Апологии ту мысль, что давно бы погиб, если бы занимался государственными делами, а пользы бы от этого не было. «Нельзя остаться невредимым тому, кто идет, в разрез с вами ли, с другою ли народною толпою, говорит он своим судьям в Апологии, и старается положить конец этим несправедливостям и беззакониям, которые совершаются в государстве. И тот, кто действительно борется за справедливость, должен вести единственный образ жизни для того, чтобы остаться невредимым, хотя бы на короткое время. А не в состоянии он был управлять государством, потому что стоял головою выше тех, которые управляли. Головою выше всяких изучений природы и исследований чужих стран и народов. Все это было не по нем: для всего этого у него не хватило бы времени.

Сократ был так наблюдателен, так глубоко во все вникал, что мог посвятить всю свою жизнь только чему-нибудь одному. А если бы

его спросили, он, конечно, ответил бы, что еще не кончил, потому что ничего не знает. «Ведь когда дельфийский оракул назвал меня самым мудрым из людей, он привел меня лишь в виде примера, он хотел сказать этим только то, что я не знаю, что такое мудрость, объясняет он в Апологии (9). «И тогда я взял на себя помогать богу, стал исследовать почему, именно, можно было назвать мудрым меня, а не других». На это и ушла вся его жизнь.

И он отправляется к государственным людям, к поэтам и ремесленникам и убеждается не только в том, что они ничего не знают, но что они знают меньше его Сократа; потому что во 1-х не сознают, что ничего не знают и считают призрачное знание истинным, потому что во 2-х не стремятся к тому, чтобы что-нибудь узнать, как это делает он. Сократ же доходит до причипы своего незнания. Он не только убеждается в том, что не существует ни одной науки, говорить Дильтей, но и в том, почему их нет. Еще не ясны те столпы, на которых держатся науки, не заложен их фундамент, потому что не образовались еще общие понятия. Выяснение того, что такое понятие и составляет заслугу Сократа.

Сознавая незнание других, потому что он не знал ничего сам, он он задумывается над тем, что кажется нам теперь не приобретением человечества, а чем-то, что разумеется само собою. Он отбрасывает второстепенное и конкретное, оставляет общее, иначе, отвлеченное, и таким образом и составляет понятие, являющееся определением предмета.

И глубокое различие его с софистами — элеатский элемен в учении Сократа, то, что давало бы полное право назвать его обективистом (если бы существовало такое слово), заключается в том, что «хорошее и дурное, справедливое и несправедливое, красивое и некрасивое имеют неизменный смысл, который независим от различия мнений» (Дильтей, 223).

Образование общих понятий и послужило основанием наук. Сократ велик, как логик. Его теория знания уже часть логики — это создание его теоретического ума, в котором не принимают участие ни воля, ни сердце. «Целью исследования его были определения, метод его индукция, говорит Аристотель в Метафизике (XIII, 4). Разрушая призрачное знание с помощью иронии, направляя мысли собеседника по своему усмотрению с помощью маевтики, Сократ развивает из всякой мысли собеседника противоположную ей и переходит от известного к неизвестному. Он создает таким образом диалектически-аналитический метод, к которому ведут 2 тропинки — маевтика и ирония. «Аристотель потому называет этот метод индуктивным, что еще не знает анализа, как составной части мышления», справедливо замечает Дильтей. А тот живой источник, из которого исходит все

исследование Сократа, это самопознание: оно отождествляется для него с незнанием.

В самопознании или в незнании ключ и к гуманности и терпимости Сократа, к его человечности. Это та симпатичная черта, тот наш идеал, антиподом которого является индифферентизм. Гуманность и терпимость возможны только там, где существуют глубокие убеждения, индифферентизм является следствием отсутствия всяких убеждений, всякого критерия нравственности. А такой критерий был у Сократа. Он глубоко убежден, во 1-х в неизменности или бытии истины и добра, во 2-х в том, что их нельзя не познавать, в 3-х в том, что нельзя не сообщать этого знания другим. В противоположность тройному нигилизму Горгия это тройной позитивизм.

Вся жизнь Сократа прошла в изучении афинян, а результатом ее было то, что афиняне не знали вовсе Сократа — того, кто считал своим призванием, Божеским советом не гоняться ни за чем призрачным или мнимым, за славою и деньгами, всем этим внешним, только телом. Результатом этой жизни было то, что афиняне осудили на смерть того, кто занимался их душами и не мог не учить их добродетели в силу того своего убеждения, что ее знал.

Но иначе оно и не могло, конечно, быть. Сократ был слишком далек от людей. Этот самый силен Сократ, говоривший изящным афинянам о кузнецах и о сапожниках.

И обвинение его в 309 году гласить: Сократ богохульствует, во 1-х потому что он не признает государственных богов; во 2-х вводит вместо них новых богов; в 3-х развращает юношество (Apol. 11).

Дело не в том, конечно, кто его обвинил, не в том, что это не были его личные враги, а весьма возможно и даже вероятно, что поэт Мелет заступился за поэтов, демагог и торговец Анит за государственных людей и за ремесленников, оратор Ликон за ораторов — ведь всех их Сократ обвинил в том, что они ничего не знают. Дело даже не в том, что в обвинении Сократа можно видеть демократическую реакцию, т. е. он возбудил против себя правящую партию тем, что учениками его считались Алкивиад и Критий, а деятельность их не могла не подвергнуться осуждению. Демократам трудно было поверить тому, что Сократ обуздывал и Алкивиада и Крития. Недаром же он сам считал бессмысленным избрание на должности по жребию. Ведь не доверяют же по жребию корабля кормчему, сапогов сапожнику, а государство же больше корабля! Пусть Целлер считает осуждение Сократа юридическим преступлением с нравственной и политической точки зрения, политическим анахронизмом с исторической — с этим нельзя не согласиться. Но причина причин заключается все таки в том, что Сократ слишком отделялся от людей — он не был среди них своим и, его осудили, потому что не могли понимать.

24 года раньше появились Облака, где Аристофан приписывает Сократу исследование небес и ада и обвиняет его в том, в чем был повивен Анаксагор, и в том также, что он неправое делает правым, в чем можно было обвинить софистов, но никак не Сократа. В Облаках о Сократе говорится так мало правды, что правдою было то, что он сам себя в них не узнал и присутствуя на представлении не мог не смеяться над человеком, измеряющим, как далеко прыгает блоха!

Аристофан был таким же афинянином, как и все. Он видел и в Анаксагоре и в софистах и в Сократе только людей, которые разрушают традиции и не отдавал себе отчета в том, что традиции эти не святы уже и для него самого. И Сократ был для него лишь одним из этих людей, которые разрушали старое. Талантливый Аристофан смотрел на него глазами толпы.

Но можно ли было обвинить Сократа в богохульстве? Была ли доля истины во всех 3-х обвинениях?

«Кто учил юношей хорошему, спрашивает Сократ Мелета в своей защитительной речи?» И ответ Мелета очень характерен. Законы, отвечает он. — «А судьи, спрашивает Сократ?» — . И судьи и члены совета 500», говорить Мелеть. «Хорошо бы было, если бы все учили юношей добру, я один злу», не может не сказать с иронией Сократ (Apol. 12).

Мелеть противопоставил духу букву, и он по букве прав.

Но речь, которую Сократ произносит в свою защиту, слаба, не даром же он сам сознается в том, что никогда не говорил речей (Apol. I). Он не в состоянии излить в ней свою глубокую веру в провидение, в ту целесообразность действий, которая осуществляется для него в Творце, потому что Сократ уже телеолог. Пожалуй, логично, но бледно все то, что он говорить о том, что нельзя не верить в существование лошадей, людей или боговъ, а только в их свойства. И как то не носит характера победы Сократа над Мелетом и то, что Мелеть отказывается от своего первоначального обвинения и объявляет, что Сократ совсем не верит в богов (Apol. 14).

Сократ верил глубоко не только в провидение, но и в оракулы и прорицания, приносил установленные жертвы, и одно из последних слов его, обращенных к тому, кто даст ему яд, гласит: «Нельзя ли сделать возлияние?» Самые последние слова Критону о том, что надо принести жертву Асклепию богу медицины за его выздоровление, т. е. переход в лучший мир (Phaedr. 66). Но из Апологии всего этого не видно. А все же остается тот факт, что Сократ действительно ввел нового бога, и что этот бог играет в его жизни более выдающуюся роль, чем все государственные боги. То былъ его демон. И Сократ постоянно говорит о своем демоне. Демон этот предупреждает его об интимной

стороне всех событий его жизни, он же отсоветывает ему заниматься государственными делами и позволяет явиться пред судьями.

Что такое этот демон? О демоне Сократа существует на западе целая литература: большинство исследователей сходятся в том, отношении, что считают его совестью. Один из наших историков философии Новицкий высказывает то мнение, что демон Сократа был откровением, и в доказательство приводит то, что совесть имеет отношение к нравственным свойствам нашей деятельности, демон же Сократа занимается лишь следствиями будущих событий (II, 354). Новицкий забывает, что нравственное совпадает для Сократа с полезным и будущие следствия событий не выходят потому из круга того, что подлежит оценке совести. Демон является для Сократа критерием всех его действий. В этой вере и высказывается та глубокая задушевность, которая его характеризует! И на этой вере в то, что совесть есть у каждого, основано его глубокое убеждение в том, что добродетели можно научить. Каждый уже носит в себе сам критерий хорошего и дурного, справедливого и несправедливого — остается только пробудить в нем такое сознание, думает Сократ.

И он великий этик, а не только великий психолог и великий логик.

«Как же а порчу юношей сознательно или бессознательно, с умыслом или без умысла», — спрашивает он у Мелета в Апологии? «С умыслом», — отвечает ему Мелеть. (13). А Сократ даже не понимает, что можно совершать зло с умыслом! Его глубокое убеждение заключается в том, что, если кто поступает дурно, то не знает, что это дурно. Дурно поступать можно только бессознательно, только по незнанию, а когда знаешь, что хорошо, так и поступаешь. И то, чего желаешь и как его желаешь, зависит от того, как себе его представляешь. Из познания добра вытекает добродетель так же неизбежно, как вывод из посылок.

Нравственность Сократа не только коренится в самопознании, но сама не что иное, как познание.

Знать, что такое смелость, это уже быть смелым, потому что знание добра неразрывно связано с нравственным поступком.

В неразрывности этой связи и заключается сущность этики Сократа. Весь смысл ее исчерпывается признанием гармонии, которая царствует между умом и волею, между познанием и хотением.

И тот, кто знает что такое добро, тот и свободен, потому что управляет своими желаниями и вожделениями. Свободный человек воздержен и умерен и потому самому он и приближается к Божеству, которое ни в чем не нуждается. А неумеренный и невоздержный раб своих страстей и наливает воду в бочку без дна. Лучше страдать невинно, чем поступать несправедливо. И нельзя потому не прощать зла врагам: им уже и без того приходится плохо, потому что они ведь

не знают того, что такое зло. Тот, кто добродетелен, *тот* и счастлив: он уверен в любви к себе Божества и достигает блаженства в будущей жизни. Радость его продолжительна, потому что он совершенствуется сам и совершенствует других. Знание, мудрость, благочестие и счастье сливаются для Сократа в понятии о добродетели, говорит в своей Истории философии Новицкий (II, 371).

Очевиден эвдаймонологический характер этики Сократа, и им запечатлена вся греческая этика. Всякая эвдаймонологическая этика, считающая, что добродетель счастье, вместе с тем, и этика телеологическая, потому что в ней обращается внимание на результат нравственного действия, а не на сущность его. Утилитарный характер этики Сократа заключается в том, что добро полезно. Вся жизнь Сократа ведь посвящена пользе. Он только служит людям — он отказывается даже гулять, потому что от деревьев нельзя ничему научиться.

Но был ли Сократ повинен или нет в том, в чем его обвиняли, его признали виновным большинством 3-х или 30-ти голосов (историки философии в этом отношении не согласны). Тут ему следовало назначить себе самому наказание, напр. ссылку или денежный штраф и обратиться к народу с просьбой о помиловании. Но сделать этого Сократ не может. В своей 2-й защитительной речи он объявляет себя достойным содержания в Пританее, куда помещали благодетелей отечества (а не преступников, каким его считали) и говорит, что у него самого нет и мины, но друзья предлагают внести за него 30 мин. Он — этот ничего не знающий Сократ, обращается к судьям с высоты своего величия и объясняет им, в чем заключаются их обязанности. Они не могли не быть глубоко возмущены, и на этот раз Сократа осуждают на смерть большинством 80-ти голосов.

В своей 3-й защитительной речи этот скромный — ничего не знающий Сократ говорить о том худшем иаказании, которое ожидает судей, о том, что пострадают и Афины (Apol. 30).

Но почему не повиновался он законам, т. к. ведь считает законное правым или справедливым? Он чувствует, что повинуется другому высшему закону — закону божественному и, опираясь на этот, другой закон, он и говорит с судьями с такою непоколебимою твердостью. Он не может просить ни народ, ни судей, потому что выше их, выше их писанных человеческих законов.

Но когда ему предстоит нарушить эти писанные законы ради своего личного благосостояния, ради жизни тела — он также непоколебимо и твердо за них заступает, остается на их почве, как стоял раньше на почве высшего закона.

Так ему приходится ждать в тюрьма 30 дней, потому что казнь его отложена до возвращения корабля из Делоса. В это время, в память избавления Тезеем от Минотавра, казней не бывает. Его друг Критон

подкупает стражу и умоляет Сократа бежать. «Тебе не следовало бы, Сократ, производить на свет детей, раз же ты их произвел, надо их воспитать и образовать, говорит ему Критон. А ты выбираешь то, что всего удобнее! Кто, как ты утверждаешь, что стремился всю жизнь к добродетели, тому и надо избрать то, чего не может не избрать всякий добродетельный и смелый человек (Крит. 5).

Критон не знает или не хочет знать того, что Сократ давно забыл о своих 3-х сыновьях, что не для сыновей он жил на свете. И для чего бежал бы я в Фессалию и стал бы там тянуть жизнь, прозябать, а не жить, читаем мы между строками в ответе Сократа. И так ясно становится, что если бы Сократ ухватился за эти несколько лет жизни, которые могли ему еще предстоять, он не был бы уже достоин всех своих обвинений. Такой человек мог бы действительно развращать юношество и разрушать веру. Это не был бы тогда Сократ, а человек ни во что не верующий, человек пустой.

Верил ли Сократ в бессмертие души? Нельзя ответить на этот вопрос вполне определенно, говорит Целлер. И мы здесь опять встречаемся с коренным воззрением нашего философа — с его незнанием.

С одной стороны, но мнению Сократа, различие человека от животных заключается в богопочитании, разумной деятельности, ловкости в работе, в умении избегать опасности и способности к воспоминанию. Свойства души заключаются в том, что она причастна божеству, имеет власть над телом, невидима. Отсюда и можно заключить, что, по всей вероятности, она бессмертна.

Но Сократ говорит в Апологии также и о том, что никто не знает, что такое смерть. Бояться смерти — это думать, что обладаешь мудростью..Люди же боятся ее, потому что считают ее злом. “И в этом я, афиняне, может быть, отличаюсь от большинства людей, объявляет он. Если бы я захотел утверждать, что мудрее других, то это потому что не знаю ничего верного о Гадесе и не воображаю, что знаю”. И в Апологии же Сократ упоминает о том, что смерть одно из двух. Мы или обратимся в ничто и не будем иметь никаких. ищущений И большим выигрышем был бы такой сон без сна, потому что кто не предпочитает такую ночь самым приятным и лучшим дням своей жизни? Или же смерть переселение души, и можетли быть, в таком случае благо выше смерти. И Сократ вспоминает о всех тех умерших, с которыми он желал бы встретиться, и умирая, велит принести жертву Асклепию — богу медицины за свое выздоровление.

В Федоне Сократ говорит о том, что те, которые занимаются философией как следует, не могут стремиться ни к чему иному, как только к тому, чтобы умереть и быть мертвыми. Раз же, что вся жизнь заключается в этом стремлении, то было бы странно, если бы кто ни-

будь был недоволен, когда случается то самое, к чему он стремился так долго и ради чего работал» (Phaed. 9).

И Сократ показал на деле, что он понимал философию так, как следует ее понимать. Когда приходит последняя минута и ему приносят яд, он осведомившись о том, как следует потом поступить, с невозмутимым спокойствием и непоколебимую твердостью, «не изменяясь в лице», как говорится в Федоне (66) выпивает его, продолжает беседу с друзьями и умирает той стоической смертью, которая венчает все его слова и делает из них уже больше не слова. Лучшее во всей его жизни — это смерть, это «апофеоз философа и философии», говорит Целлер. «Так умер лучший из людей, живших в то время, самый разумный, самый справедливый, высказывает Платон устами Федона. «Он был так справедлив, что никогда никому не причинил ни малейшей обиды, так владел самим собою, что никогда приятного не предпочитал хорошему, был так рассудителен, что никогда ни ошибался в решении, что лучше и что хуже, одним словом, он был самым, лучшим и самым счастливым человеком, какой только может быть, — говорит Ксенофонт в Достопамятностях.

В этом отношении сходятся эти 2 различные источника, которыми можно пользоваться для изучения философии Сократа. Платон и Ксенофонт дают совсем различное представление о Сократе. Более объективен и добросовестен Ксенофонт, и напрасно, конечно, Диссен и Шлейермахер поколебали к нему доверие. Талантливее, но и пристрастнее Платон, и надо отличать те его диалоги, в которых он устами Сократа высказывает свои собственные мнения. Можно пользоваться и Платоном, но надо проверять его Аристотелем, советует Целлер, потому что все то, что говорит Аристотель, находится и у Ксенофонта.

Был ли Сократт. преимущественно этиком, логиком или психологом? Его этика, логика и психология составляют одно органическое целое.

Он дорог нам тем, что иашел новое — более глубокое и твердое основание для истины и нравственности, совершенно верно говорит Иберверг — Гейнце (I, 105). Но та причина, почему он мог дать такое основание, заключается в том, что жизнь и ученье Сократа запечатлены одною чертою, и эта-то черта в нем нам всего дороже. Это избыток духа над телом, содержания над формою. Сократ (иерофант духа, и по тому самому он антипод буквы. В этом и заключается сущность сократизма.

